

С. С. ЛАЗАРЯН

РОЛЬ ЛАНДШАФТОВ В КОНТЕКСТЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ И ПРОТИВОБОРСТВА РОССИИ С ГОРСКИМИ ОБЩЕСТВАМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (1801-1864)

Кавказские ландшафты представляли собой не только среду существования, но и природно-культурные комплексы, из которых прорастали горские этнические социумы. Характеры рельефа, климата, растительного покрова, животного мира, населения сливались в единую гармоническую целостность. Кавказские ландшафты были активными участниками общественной жизни местных горских обществ и вместе с людьми активно сопротивлялись инокультурному влиянию. В ходе Кавказской войны ландшафты были неприступными крепостями и сражались против русской армии на стороне горских народов. Покорение Кавказа для русских сопровождалось необходимостью покорять не только людей, но и местные ландшафты. Только трансформировав сакральность и смыслы горской среды обитания, российская сторона могла надеяться подчинить их своей воле.

Ключевые слова: ландшафт, социум, Россия, горские общества, Северный Кавказ, противостояние, сакральность, трансформация

Ландшафты являются естественной и первоначальной основой социокультурных миров. Исторически складываются «открытые» или «закрытые» по своей самореализации миросоциумы, в разной степени подготовленные и способные к ведению диалога с инородными миросоциальными субстанциями¹. В качестве примера неоднозначных последствий такого взаимодействия можно привести контакты между Российской империей и народами Северного Кавказа в XIX веке, где российская сторона столкнулась с миросоциумами, в которых ландшафты продолжали играть значительную экзистенциальную роль, в то время как русский мир находился на иной ступени отношений с ландшафтами – социокультурные компоненты там оказывали значительное влияние на параметры существования природной среды.

Горский миросоциум в процессе становления и функционирования там общественных институтов, связывался тесными узами с физико-географическими компонентами местных ландшафтов и местными этническими религиозно-мифологическими поверьями. Они в своей совокупности оказывали сильное влияние на формы исторически существовавшего общественного быта и хозяйственной деятельности. Сама

¹ Миросоциум – сложносоставное пространство, состоящее из набора взаимообусловленных физико-географических и социокультурных компонентов, посредством и в рамках которых тот или иной социум самореализуется и представляется миру. Миросоциум исторически обусловлен характером и состоянием системных элементов, их способностью тем или иным образом отвечать на внутренние и внешние вызовы.

проблема восприятия и переживания этно-социального пространства, находящегося во взаимодействии с ландшафтом, выростала «...из опыта и манипуляций с ним, а также из концептов, представленных традицией...» [Тишков 2003: 288]. Включенность общества в природный миропорядок предполагала обязательную организацию в нем социально обусловленного «своего» пространства и «своего» времени. По мнению Ю.Ю. Карпова, «пространство такой модели подразумевает, что при любых естественных пространственных формах окружающей среды люди делают их своими – искусственными, выделяя центр и периферию, т.е. вводя системные отношения, “окультуривая”, что необходимо уже для ориентации в жизненном пространстве» [Карпов 2007: 6]. Потому «всякая территория, занятая с целью проживания на ней или использования её в качестве “жизненного пространства” превращается из неупорядоченного первоначального “хаоса” в “космос”, посредством ритуала ей придается некая “форма”, благодаря которой она становится реальной» [Элиаде 1987: 38], мирским пространством.

Поскольку ландшафт с его элементами и атрибутами способствовал формированию этнического самосознания и всех форм этнической культуры, которая как бы прорастала из ландшафтных оснований, можно полагать, что социум и ландшафт взаимообуславливающиеся системы. Потому любые негативные перемены в установившихся правилах взаимодействия людей с ландшафтами могли вызвать не только хозяйственный крах, но крах мировоззренческий, духовно-нравственный, ценностный для любого горского миросоциума.

Е этносов Северного Кавказа не было стремления подавить естественный ландшафт, господствовать над ним. Это отношение к окружающим горцев ландшафтам обуславливалось не столько тем, что они могли не обладать достаточным орудийным потенциалом и технологиями для преобразовательной деятельности, сколько базировалось на сакральной спаянности людей со средой обитания. Культурная деятельность горских социумов гармонично вплеталась в природные комплексы и связанные с ними процессы. По мнению ряда исследователей, Кавказу были присущи экофильные черты во взаимодействии людей с ландшафтными системами, с характерными для них природосберегающими формами хозяйствования, позволявшие сохранять экосистемы в целостности и воспроизводстве их элементов [Сотникова: 2012].

Сам способ существования горцев в системе среды их обитания предписывался модальностью сохранения и сбережения установившихся обыкновений [Доценко 2006: 18-19]. На этой почве повседневного взаимодействия с окружающим пространством жизнедеятельности, очерченной строгими рамками традиции, выростал своеобразный горский патриотизм (сопереживание), базировавшийся на чувстве близости и родства с вмещающим горские социумы ландшафтом. По свиде-

тельству А.Н. Дьячкова-Тарасова, лес был стихией абадзехов. Они настолько сроднились с лесным пространством, что чувствовали себя в лесах, «как рыбы в волнах» [Дьячков-Тарасов 1902: 6]. Лес их кормил, укрывал от непогоды и от неприятелей. В случае нападения врагов абадзехи прятали своих стариков, женщин и детей среди горных лесов в благоприятно вырытых рвах, которые покрывались сверху срубленными с деревьев ветвями. В лесных чащах также укрывали скот. Аналогичную тактику применяли многие другие горские народы Северного Кавказа. Кроме того, в лесах скрывались абреки и изгои.

Связанность людей с окружающими их ландшафтами проявлялась по-разному. Например, ежедневный метеорологический прогноз люди строили на естественных объектах ландшафта. Насекомые, населявшие горные луга, вместе с цветами подавали безошибочные признаки любых изменений в атмосфере. Туманы, застилавшие вершины и склоны гор, давали внимательному наблюдателю информацию о силе ожидавшегося дождя или ветра своим цветом, плотностью или протяженностью [Спенсер 2008: 76-77]. Ландшафт был неотъемлемой частью общественной жизни горцев: «в горах каждая вершина и долина имеют свое название и свою индивидуальность» [Карпов 2007: 7]. Так, на горе Кетыш-Коры проходили ежегодные собрания старейшин чеченских тейпов. Там разбирались дела о кровной мести, обсуждались и принимались решения «по обычаям и этикету вежливости» [Карпов 2007: 20].

В Южном Дагестане почиталась гора Шалбуздаг. По свидетельству Ю.Ю. Карпова, «лезгины, проживавшие по обе стороны Главного Хребта, в систему которого и входила данная вершина, а также рутулы, агулы, даже живущие на значительном расстоянии от горы табасаранцы относились к ней как к святыне». К священной горе обращались по разным поводам: бездетные вымаливали детей, больные просили здоровья, бедняки – благополучия, а также дождя в случае длительной засухи. На эту гору ходили и для того, чтобы испросить прощения, искупить вину. Пытаясь склонить духов горы на свою сторону, люди приносили туда разнообразные подношения и подарки, приводили баранов [Карпов 2007: 24]. Более того, в Дагестане горы были не только сакральным местоположением, но «элементами конструкции мира», с определенными функциями, центральной из которых была «функция лестницы, ведущей к небу, к Богу» [Карпов 2007: 33].

Среди адыгов аналогичную сакрально-символическую роль часто приобретали и гигантские деревья, которые воспринимались, «как естественный, природный центр, нахождение которого на земле владельца обеспечивает за ним стратегическое превосходство над окружающими» [Нарты: 300]. Отсюда культ таких деревьев, которые не только наделяли людей нравственной силой, но влияли и на социальный статус человека в горском социуме.

Единство ландшафта и культуры без нарушения равновесия в экосистемах, сакральность в отношениях между ними сохранялись и передавались через поколения посредством поверий, примет, пословиц и поговорок. Природоохранные традиции горских народов – историческое явление, сложившееся в результате их адаптации к окружающей природно-ландшафтной среде [Доценко 2006: 18-19].

Скудость плодородных пространств в горных комплексах Дагестана, необходимость большой затраты усилий нескольких поколений по уходу за полями, крепко привязывали горцев Восточного Кавказа к своему местожительству. Этим определялось длительное существование местопребывания селений в Дагестане, устойчивость проложенных в горной местности трафиков, жесткая фиксированность географических рамок и привязанность к ним социокультурных компонентов. Как подметил Ф. Бродель: «Почти неподвижна история людей в их отношениях с землей, которая их носит и кормит; этот диалог, который не прекращает повторяться, который повторяется, чтобы длиться, который может на поверхности меняться и меняется, но упорно продолжается...» [Бродель 2015: 37]. Так повсюду и, в том числе, на Северном Кавказе.

На Кавказе издавна происходила сакрализация ландшафта в целом или отдельных его частей. Традиция выступала как абсолютное установление и запечатление форм взаимодействия человека с ландшафтом, определяя механизм повседневных отношений. Традиция формировала рамки дозволенного и запрещенного, выступая одним из столпов этнического мировидения и этики, в системах горских миросоциумов.

Негативные изменения во взаимодействиях с ландшафтом, происшедшие под давлением внешних факторов, порождали социокультурный шок. Вторжение этнически, социально и культурно чуждых пришельцев, сопровождавшееся их воздействием на привычный ландшафт, воспринималось как насилие над этнически близкими и обязательными ценностями. Данная ситуация была чревата кризисом традиции, а её поправление, всегда сопровождалось реакцией отторжения от всего чужого, инокультурного. Возникла необходимость защиты своего миросоциума, включая ландшафт, от вторжения чужаков.

Рейды русской армии вглубь гор часто сопровождались выкашиванием горских полей, рубкой просек и сведением лесов в ущельях. Производимая войсками выемка грунта при дорожном строительстве, «оскопление» горных склонов, возведение построек, изменявших ландшафт, переселение аулов на новые территории и многое другое имело следствием в горах шок, гнев, сопротивление. Привычная картина окружающего пространства разрушалась, а вместе с ней рушилась устойчивость повседневного существования, опосредованного через образы привычных артефактов и природных объектов, которые либо разрушались физически, либо приобретали после внешнего воздей-

ствия инозвучание, изменяли не только физический облик, но также изменяли свою сакральную сущность либо теряли её.

Автохтонное географическое сознание, направленное на сакрализацию, понимание и присвоение структурной образности ландшафтной среды, уступало место инокультурному переформатированию существовавшей географической образности – символической топонимии, объектам которой пытались придать инокультурное воплощение. Язык инокультурности изменял не только облик или смысл прежних ландшафтных образов, но также отношения – как между элементами ландшафтной целостности, так и между людьми и ландшафтами, существовавшие в разрушенных вторжением координатах. Более того, вторгнувшаяся в автохтонный геосемантический ряд инокультурная новация, по мере проникновения в присваиваемую ландшафтную среду, выстраивала несколько слоев образных систем, не прекращая обновленческих усилий, пока не добивалась подавляющего доминирования собственной образности. Отечественный культуролог Д.Н. Замятин по сходному поводу заметил, что «подобные образно-географические манипуляции представляют собой, по сути, своеобразный полигон для отработки механизмов созидания и функционирования географических систем, которые способны эффективно адаптировать и как бы переваривать в соответствующий географический продукт различного рода историко-культурные рефлексии и национальные комплексы» [Замятин 2012].

Наиболее интенсивные модификации и собственно моделирование новой географической образности происходит в культурных ландшафтах. Своеобразие самой этнической культуры выступает непременным условием создаваемого образа ландшафта. В данном случае происходила этнокультурная «формовка» и «затвердевание» новых географических образов, без чего невозможно укоренение новых символов и смыслов в автохтонной ландшафтной среде и присвоение вновь обретенного этнокультурного пространства. Можно сказать, что Россия-Метрополия пересаживала себя в пространство Северного Кавказа путем внедрения первоначально отдельных, а затем расширенных культурных комплексов, с помощью которых она стремилась переформатировать пространство культурных ландшафтов вновь обретенных территорий. Из отдельных локальных географических образов формировалась образно-географическая картина универсального имперского пространства соединенных культур и времени.

Слишком часто продолжением перемен, вносимых в ландшафт со стороны России, становились новации существования, основывавшиеся на социокультурном фундаменте имперских смыслов. Новации такого рода всегда угрожали горским сообществам девальвацией традиции и, следовательно, идентичности, поскольку изменения приходили из иной экологической и социальной плоскости, а потому неизбежно нарушали

равновесие в сложившейся системе этнос-природа, этнос-ландшафт. Принудительные выселения горцев из привычных для них ландшафтов и замещение их казаками и колонистами, помимо всех и многих последствий, порождали экологические проблемы. Выжигание лесов и кустарников с целью подготовки пространства под пашни не только изменяли первоначальные условия экосистем, но и ускоряли эрозию почв, нарушали водосток, следствием чего становилось усыхание почвы или вызывались селевые оползни в предгорьях.

Кавказский ландшафт, чуждый для подавляющего большинства русских, волевым усилием имперских властей насыщался привычными артефактами, чтобы в какой-то мере сформировать и обустроить привычное для русского миросоциума жизненное пространство, воссоздать привычную и понятную среду обитания. Однако местные кавказские ландшафты и природно-климатические условия неласково принимали новопоселенцев, которые первоначально платили высокую цену за пребывание на северокавказской территории. Переселенцы из внутренних губерний России, подвергались многим заболеваниям от «ощутительной перемены климата» [АКАК: 223], когда из десяти заболевших умирало пятеро [Чекменёв 1994: 58]. Немало людей погибло от эпидемий холеры и чумы, неоднократно свирепствовавших на Северном Кавказе. Продолжительное время цинга и лихорадка оставались каждодневным явлением, заметно прорежая семьи переселенцев.

Ландшафт выступал как территория мира, мирной повседневной жизни или территорией перманентной войны. Одни и те же объекты ландшафта выполняли разные или даже противоположные функции в зависимости от их местонахождения – на территориях мира или территориях войны. Привычные части ландшафта: лес, берега рек, реки, склоны гор, поросшие кустарником, горные ущелья, вершины гор, каменные глыбы, сенокосные луга, сады и мн. др., для русских были частью территории мира, прирученного человеком, а в кавказских условиях становились местами, где людей могла ожидать смерть, плен, увечье, т.е. территорией войны. Чрезвычайно опасным местом горноландшафтной среды оставались для войск и колонистов дороги. В условиях Северного Кавказа дороги были особым «неким замкнутым пространством, отдельной территорией, проникновение на которую чревато серьёзной опасностью» [Ботяков 2004: 101]. Многие и многие лишились на кавказских дорогах жизни или потеряли свободу.

Там, где удавалось преобразовывать кавказский ландшафт по российским социокультурным лекалам, это делалось без оглядки на существовавшую ранее традицию. При этом не только изменялся его внешний облик, но происходила подмена смыслового содержания, насильственная смена ценностного ряда, который всегда присутствует в социальном восприятии той или иной ландшафтной системы.

Там, где ландшафтная система не позволяла коренного реформирования своей сущности, в неё пытались встраивать хотя бы отдельные элементы российской социокультурной парадигмы, чтобы иметь возможность окружать себя привычными артефактами и атрибутами, дававшими возможность присваивать иные социокультурные пространства и потреблять их в привычной для себя форме.

Для местных жителей ландшафты, претерпевшие радикальные трансформации, вызывали перемены в повседневном существовании: традиционные социумы лишались своей первоосновы, в рамках которой они исторически формировались. Бытие таких социумов наполнялась непредсказуемостью с большим числом элементов девиации, вырвавшейся на свободу из-за попрания традиции, или, скорее всего, из-за потери её абсолютности и универсализма. В условиях нового (не значит лучшего) звучания обновленных ландшафтов терялась жизнеутверждающая и жизнеспасительная константа, постепенно отступавшая под напором обновленческих структур, которые привносились российской стороной в горскую миросоциальность. Военные действия, рубка лесов и прокладка дорог, радикальным образом изменяли привычную обстановку существования горцев, вскрывали сакральную имманентность их жизни, выталкивали в чужеродную публичность.

Реакцией было ожесточение. Право одних сталкивалось со стремлением других. Ни русские, ни горцы не щадили культурных ландшафтов своих неприятелей: они им были чужие и такие же враги, как и люди. Горцы совершали набеги на русские крепости, казачьи станицы, крестьянские села и даже города (в разное время – Моздок, Кизляр, Георгиевск и др.) не только ради грабежа, но для разрушения, в котором отражалась степень неприятия ими перемен, привносимых в их мир. Следы разрушений и пожаров были видны над каждым домом поселений, переживших набег. Нападениями и разбоями горцы столько же стремились поправить свое материальное положение (обычай войны), сколько старались вынудить русских к отступлению и уходу.

Русские отвечали тем же во время экспедиций в горы, когда, например, «двенадцать деревень легло пеплом на след русских войск в ущельях Табасарани» [Бестужев-Марлинский 1832], когда после осады и штурмов превратились в руины Ахульго и Гергебиль [Ольшевский 2003]. Во все продолжение военного противостояния почти во всех частях Северного Кавказа враждующие стороны не оставляли своих усилий разрушать культурные ландшафты друг друга. В северо-западной части Кавказских гор, чтобы окончательно лишить горские общества способности к сопротивлению, российские военные власти требовали от горских жителей переселения «...из привычной обстановки среды обитания – что было для них не только жестоким оскорблением, но и психологической катастрофой...» [Гордин 2008: 209].

Р.А. Фадеев, одним из главных идеологов «русского дела» в ходе Кавказской войны, понимал значение для Кавказа связи ландшафта и социума, он считал, что перемена мест обитания для горских сообществ есть задача стратегическая и одновременно прикладная, имевшая целью не только приведение горцев к покорности, но и изъятие из их мироsocialности фундаментальных оснований, чуждых российской имперской социокультурной системе. При этом для покорения Кавказских гор нужно было иметь определенный запас времени, поскольку любое «перевоспитание» народа «есть дело вековое». Так как «воспитание» народа имеет вековую длительность в условиях существования вековых ландшафтов, то «было бы легкомысленно надеяться переделать в данный срок чувства почти полумиллионного варварского народа, искони независимого, искони враждебного, вооруженного, защищаемого неприступной местностью...» [Цит. по: Гордин 2008: 209] без разрушения и перемены их кормящих и вмещающих ландшафтов.

Чужаки в среде географического и этнического инобытия также переживали социокультурный шок от встречи с ними. На Кавказе все элементы ландшафта: горы, леса, овраги, ущелья, деревья, камни и связанные с ними грозовые ливни, туманы, пронизывающие ветры и морозы – все воевали на стороне горцев против русских войск. Потому для подавляющего большинства русских солдат одним из главных психофизических состояний и эмоционального сопровождения восприятия местных ландшафтов становится - ПРЕОДОЛЕНИЕ. Солдаты постоянно вынуждены были преодолевать бурные и пугающие шумом и ревом реки, опускаться и вновь взбираться по склонам ущелий, поросших колючими кустарниками, безжалостно рвавшими на людях одежду, преодолевать крутые перевалы и восходить на вершины гор. В окружавшем ландшафте все было враждебно и все грозило смертью и страхом – камни, деревья, кустарник, нависающие уступы скал, почти бездонные пропасти. Покорение Кавказских гор, как восточных, так и западных требовало не только «необычайной энергии со стороны руководителей, и не только мужества и опытности, но еще безграничного самопожертвования со стороны войск» [Фадеев 2003: 129], поскольку природно-климатические условия кавказских ландшафтов не менее людей были опасными и беспощадными противниками русской армии.

Наблюдатели разворачивавшихся событий воочию видели и ощущали эту враждебность кавказских ландшафтов. Она отображалась в их лексико-семантической атрибутике, которой они обозначали окружающее пространство. «Угрюмая природа Кавказских гор: непроходимые леса, неприступные скалы, глубокие ущелья, темные пропасти, бешенные горные реки – составляет отличительные признаки топографии западного Кавказа, на котором жили много веков разные племена черкесских народов в замкнутом положении». Ландшафт способствовал

замкнутости и суровости нравов горцев. «На северном склоне Кавказского хребта непроходимые прикубанские болота залегали мертвой пустыней, а на южном – скалистые берега морского побережья, нередко упирающиеся в самое море, препятствовали свободному сообщению; внутри страны горная местность представляла на пути недосыгаемы вершины скал и многочисленные реки и водные ручьи, изливавшиеся в Кубань с одной и в Черное море с другой стороны; хребты служили неодолимой преградой на пути, особенно когда выпадали сильные дожди в горах, поднимавшие потоки вод... бурные волны, несущиеся с быстротой сильных водопадов, рвали на берегах с корнями огромные деревья и несли их по течению, как мелкие щепки, а катящиеся по руслу разной величины камни до того производили оглушительный шум, что заглушали речь рядом стоящих людей» [Короленко 2001: 178-179].

Природные условия Кавказа ставили перед русской армией новые и неожиданные задачи, которых прежде (в Европе) не возникало. В северокавказских горных лесах русская армия становилась «слепой» из-за незнания местности, отсутствия надежных карт, первоначального неумения ориентироваться и слаженно действовать в лесных чащобах. Само движение в горнолесной местности изматывало войска в силу того, что солдатам постоянно приходилось все необходимое для них нести на себе. Пересеченная местность постоянно вынуждала на каждом подъеме или спуске удерживать, или втаскивать на руках обозные фуры и пушки, чтобы они не раскатились и не покалечили лошадей и людей, не свалились в пропасть [Лапин 2008: 111]. Людей изматывала постоянная необходимость форсирования бесчисленных горных рек и ручьев. На большей части Кавказа не было ни дорог, ни переправ, кроме едва заметных тропинок, проложенных местными жителями. Горные леса были самым труднопреодолимым препятствием для русских войск, в то время как неприятель, выросший в этих лесных пространствах, умел в таких условиях стойко обороняться и наносить ущерб противнику. Особенно преуспевали в том чеченцы, которые «...были наиболее искусными защитниками своих лесов» [Ольшевский 2003: 184]. Сами тактические приемы войны, используемые горцами, были наиболее адаптированы к местным ландшафтам.

Весь горный ландшафт Северного Кавказа был враждебен русским. Все и вся требовало воли, самообладания, храбрости и преодоления, физического или психического. А. Бестужев-Марлинский отмечал «как дика и величава, и грозна являлась там природа, но еще грозней стала она от вражды человека» [Бестужев-Марлинский 1832]. Уже сам по себе «...горный пейзаж вообще был совершенно особым психологическим опытом для русского человека...» [Гордин 2008: 30]. Как свидетельствовал Н.И. Воронов: «Первые впечатления от Дагестана на незнакомого с его трупцами путника производят нечто тяжелое,

болезненное... На склонах дидойских громадных гор все людское и все, что не горы, кажется равно ничтожностью: оно бежит от глаз» [Воронов 1868: 9-10, 12]. Пейзажи Дагестана казались русским чудовищным горным лабиринтом. Горы угнетающе давили на психику солдат и офицеров, впервые оказавшихся на Кавказе. «Природа Дагестана внушала отвращение» [Лапин 2008: 118], а солдат охватывала тоска по родине – России. До прихода на Северный Кавказ ландшафты, в пространстве которых существовало русское население, не порождали негативной культурно-психологической нагрузки из-за особенностей пространства их обитания, поскольку они не выходили за пределы традиционного для них вмещающего географического пространства.

Кавказ был, как казалось и ощущалось русскими, средоточием враждебной для России энергии, которую чтобы укротить, следовало подавить. По мнению Я.А. Гордина: «Символом Кавказа для русского человека были горы – тип ландшафта, резко контрастировавший с российской плоскостью, антитеза Великой русской равнине... Горы сами по себе были вызовом жизненной тривиальности... Горы – пространственная вертикаль – приобретали смысл, далеко выходящий за пределы топографии» [Гордин 2008: 28]. Восприятие русскими кавказского (дагестанского) ландшафта во всей полноте оттенков выразил полковник К.К. Бенкендорф: «... Здесь все перемешано, все разбито, все в беспорядке; точно чудовищные волны океана как бы внезапно застыли и окаменели в бурю; это полное изображение первобытного хаоса» [Цит. по: Гордин 2008: 28]. Это зрелище, не имевшее опоры в прежнем опыте, могло внушать ужас, особенно человеку религиозному, которому его воображение способно было нарисовать в данном каменном нагромождении нечто запредельное, неохватное разумом, казавшееся адом.

Ландшафт Кавказа порождал культурно-психологическое напряжение среди русских солдат и офицеров не столько теми трудностями, «которые создавали особенности рельефа в чисто военном плане. Кавказские войска постепенно выработали рациональную тактику ведения боевых действий в горных условиях. Дело было в ощущении экзистенциальной чуждости этого пространства, воспринимаемое как пространство inferнальное, находящееся по другую сторону человеческой жизни, пространство смерти» [Гордин 2008: 29].

Непонимание социокультурной парадигмы, рожденной местными ландшафтами, имело следствием конфликт, который выливался в фактор этнокультурного взаимодействия². На Северном Кавказе ландшафт имел также свойство социокультурной идентификации. Идентифика-

² Ценностные разряды этносов «будут тем более различными, чем более различными были природные и исторические условия в эпоху становления этносов» [Авксентьев А.В., Авксентьев В.А. 1998: 28].

ционный атрибут разнообразия среды обитания способствовал этнической дифференциации, порождая крайнюю этническую пестроту, даже отсутствие общепонятного языка межкультурной коммуникации. Во время развертывания военного противостояния, которое получило название Кавказская война, «вполне сложились образы оппонирующих на Северном Кавказе сторон» [Шнайдер, б.г.: 70]. Отношение к северокавказскому ландшафту русские переносили на отношение и оценку местных горских народов. Ландшафты, доставлявшие русской армии наибольшее количество проблем, обычно населялись наиболее непримиримыми к русским горскими обществами. Страх или ненависть, испытываемые к таким ландшафтам, переносились на их обитателей. Примером может быть восприятие русскими солдатами вековечных чащоб ичкерийских лесов и проживавшего в них населения [Ольшевский 2001], или бурного и неукротимого Терека, разрушавшего своей свирепостью берега и с грохотом перекатывавшего громадные камни.

Русские видели в кавказском ландшафте природную крепость, бывшую достоянием враждебных горцев. Рисуя условия восточного побережья Черного моря, Р.А. Фадеев указывал на особенности местного ландшафта, глубокие ущелья которого, «покрытые чрезвычайно роскошными, но потому и чрезвычайно непроходимыми лесами, круто спускаясь от вечных снегов к теплomu морю, образуют неисходный лабиринт, в котором каждая пядь земли была природной крепостью» [Фадеев 2010: 230]. В.М. Сидоров отмечал, что «...весь Дагестан, это страшное гнездо гор, изрезанное черными пропастями, отвесными стенами, уходящими за облака и одетыми снегами, казался всему миру недоступной и неодолимой крепостью» [Сидоров 1897: 342-357].

Социокультурная слиянность человека и среды его обитания многократно умножала его силы и возможности противостоять чужеродным переменам. Специфические связи человека и природы Северного Кавказа составляли первооснову мировоззрения местных жителей, поскольку существовало физическое пространство ландшафта и его ментальные образы и границы. Ландшафт был привязан к исторической памяти этносов, содержанием которой являлись объекты т.н. «сакральной географии», проявляющейся в «символической топографии» [Заятин 2015: 30]. Символическая топография состоит из сакральных смыслов, придаваемых этническим сообществом различным местам, связанным с природными объектами, и представляет образные структуры ландшафта – горы, отдельные вершины, камни, реки, ущелья, лес, отдельные деревья, овраги, родники и т.д. Сакральность символической топографии – это не только абсолютность, вырастающая из религиозной обусловленности, не только способ адаптации пространства, его встраивания в этническую картину мира, но и символизм, обладающий позитивной или негативной коннотацией, рождающейся в культурной

среде данного социума. Любой символический топоним одновременно предстает как концепт-образ со своим смысловым содержанием, соотносимым с физико-географическими и метафизическими параметрами конкретного ландшафта в данной этнокультурной среде. Освоение экзистенциальных смыслов символической топографии чужаками крайне затруднительно. Постижение символичности пространства возможно через её присвоение – оно выступает обязательным требованием, вне реализации которого любые образы ландшафта, предстающие как особое психофизическое состояние, остаются вне понимания чужаков.

Как уже отмечалось выше, приход на Северный Кавказ русских и переформатирование ими кавказских ландшафтов совершалось не только в сфере физического их бытия, но также в ментальной сфере путем придания местной геокультурной среде новой смыслодержающей символики. Не случайны в этой связи усилия кавказских главноуправляющих, которые призывали в край архитекторов, способных изменять видимый образ местных ландшафтов. Архитектор Н.А. Львов, братья Джузеппе и Джованни Бернардацци, Самюэль Аптон не только устраивали возводимые российской стороной поселения, но посредством стилевой архитектоники вводили образы петербургского пространства на Кавказских Минеральных водах, в Ставрополе и других городах края. Такая новая физическая и символическая образность, воплощавшаяся в общественные и частные здания, арки, беседки, галереи и бульвары, способствовала не только замещению чужеродной для русских среды, но также её приручение и присвоение. Кроме того, необходимо было «расколдовать» ландшафт Северного Кавказа, освободить его символическую образность от прежней сакральности, чтобы «заколдовать» его снова в русской транскрипции, чтобы присвоить его себе и отнять у горцев. Пространство не удавалось взять под контроль без «расколдовывания» его прежней образности и семантики.

Борьба между Российской империей и непримиримой к ней частью горских обществ, шла не только за физическое пространство – местообитание, стороны боролись также за социокультурное его наполнение, связанные и рожденные в данной ландшафтной среде смыслы и ценности. Насыщая кавказские ландшафты собственными именами, российская сторона, наполняла физическое пространство ландшафтов социокультурным полиморфизмом – сосуществованием традиции и новации, сталкивала старые имена с новыми именами, старые смыслы с новыми смыслами. Традиция в таком полиморфизме приобретала новые возможности существования в параллелизме рядом с новациями. Пространство ландшафта как бы переуступалось чужакам под внешним давлением, но традиция сохраняла свое бытие в памяти и символизме, который накладывался поверх или проступал сквозь символизм нововведений. С другой стороны, символический параллелизм мог допус-

каться только потому, что у наступающей стороны не имелось в достатке возможностей для тотальной перекодировки присваиваемого ландшафтного и социокультурного пространства.

С вытеснением горцев из их изначального местопребывания, разрушался фундамент их социокультурных устоев. Поэтому горский социум всячески цеплялся за свое прошлое, помещая существовавшее социокультурное пространство в пространство памяти. Память об этническом символизме, о маркерах, существовавших в этническом мигросоциуме горцев, препятствовала тотальной энтропии.

В сложившейся ситуации полиморфизма старое и новое, свое и чужое вели непрерывный спор: старое, чтобы выжить и сохраниться, новое, чтобы доминировать и властвовать. Отсюда происходили двойные топонимы с двойной сакральностью. Старые имена, например, реки Пшиз или Схаугваше вынуждены были сосуществовать рядом с новыми именами – Кубань или Белая. Селения Эндери или Костеки вынуждены были мириться с русской формой Андреевское и Костыковка. Псекупское селение минеральных вод Псефабе превратилось в Горячий Ключ. Кавказские ландшафты переназывались русскими не только, чтобы ими владеть и присваивать, но и понимать их, обозначать пространство, с которым приходилось иметь дело. Так пять хребтов Северной Осетии стали именоваться как Лесистый, Пастбищный, Скалистый, Боковой и Главный [Кузьминов 2004: 671].

Некоторые топонимы, маркировавшие местность, исходили от местных жителей, которые в качестве повода для имен избирали лиц или общины, которые пользовались данными местами. Так в Кумыкии появились селения Эрмени-Озек и Нагы-Кель. Первое имя произошло от армянского драгунского полка, а второе – от имени жителя [Кузьминов 2004: 651]. Рядом с рекой Уруп в 1839 г. появилось новое поселение Эрмени-хабль, или Армянский аул, в который генералом Г.Х. Зассом были выселены черкесо-гаи, армяне, много веков проживавшие среди черкесов (адыгов) [см.: Ктиторов 2002].

В одних случаях новация полностью вытесняла из обихода традицию, поместив в пространство ландшафта новопоселенцев и полностью выселив прежних обитателей. В других случаях ландшафты отторгали чужаков и их попытки переформатировать пространство посредством изменения сакральной географии. Так, Нагорный Дагестан оказался той территорией, символическая топонимика которого не отступила перед внешним вторжением чужеродной новации. Подавляющее число новых имен, приходившие в край вместе с русскими, не смогли прижиться в нагорной среде, поскольку национальная картина мира русских не смогла произвести адекватное присвоение нового для них пространства местных ландшафтов. Новый символизм как бы соскальзывал с прежних образов или разбивался от столкновения с ними. В свою очередь,

прежние образы не желали помещаться в российском культурном поле, которое не принимало и тяготилось, стремилось избавиться «от этих проклятых гор» [Гордин 2008: 29]. Новые имена скоро забывались, так как существовали в достаточно узком круге военных или гражданских чиновников и связанных с ними поселенцев, пребывавших в Нагорном Дагестане непродолжительное время. Новые имена не успевали приобрести новой сакральности и быстро забывались или уходили из края, как только их приверженцы покидали Дагестанские горы.

Однако, когда выходцы из России надолго задерживались на Кавказе, когда их пребывание в крае становилось частью их жизни, то это производило на свет особую породу людей – русских кавказцев, для которых кавказская ландшафтная символика переставала быть чужой, по крайней мере, внешне. В этом случае поселенцы продолжали оперировать прежними образами и именами, наполняя их понятным для себя содержанием. Примером может служить ландшафтное пространство долины реки Дахо, бывшей притоком реки Белой (Схаугваше). Там была основана казаками станица Даховская, находившаяся в окружении Даховских гор, поросших Даховскими лесами. С этих мест отправлялся в экспедиции Даховский отряд российских войск.

Отмеченные сущностные стороны взаимодействия горских обитателей с Российской империей, поданные сквозь призму местных ландшафтов оформлялись и проявлялись постепенно. Сначала Кавказская война мало отличалась от предыдущих войн в истории Кавказа, и горцев не слишком беспокоило появление в их пределах отдельных русских укреплений. Они успешно им противостояли и считали, что «укрепление – это камень, брошенный в поле, ветер и дождь снесут его», но, когда каждый шаг русской армии стал сопровождаться устройством новых станиц, горцы поняли всю опасность, которая нависла над ними: «станция – это растение, которое впивается в землю корнями и понемногу обхватывает поле» [Фадеев 2003: 153-154].

С расширением и изменением характера колонизации Кавказская война приобретала для автохтонного населения вид катастрофического перелома. Горские ландшафты начинали жить по-новому. Русские военные топографы исследовали приобретаемые силой территории, размечали их новыми структурами и выделяли предпочтительные для новых поселян элементы. За боевыми полками возникали ряды станиц, за станицами поселялись крестьяне, прокладывались дороги, распахивались поля, разбивались сады, развивался иной образ жизни, в котором предстояло существовать бывшим горским этническим ландшафтам, но без прежней сакральности и символической образности. Разразившийся над горскими обществами погром сломил их нравственно. «Всякая историческая общественная формация, сколько бы она ни длилась, состоит из набора условий, который только и делает её возможной: климати-

ческие, географические, технологические, культурные, властно-политические и демографические предпосылки должны перемешаться в некую амальгаму, чтобы возникло именно это общество. Если набор условий меняется, меняется и общество» [Сарацин 2016: 25].

Модернизация ландшафта как части сакральной традиции привела к травматическому искажению сакральной среды горских миросоциумов, формированию травматической исторической памяти, образы которой пролонгировались в мировоззрении последующих поколений горских жителей. Столкновение с горской сакральностью в рамках ландшафтной среды или пренебрежение ею со стороны русских часто происходило не из желания унижать или доказать свое превосходство, а из-за простого незнания социокультурной роли и сакрального символизма тех или иных объектов и образов горского ландшафта, в котором русские войска и поселенцы начинали свою жизнедеятельность.

В силу того, что имперская социокультурная парадигма строилась на совершенно иных экологических основаниях в отношении с ландшафтом, новопоселенцы не могли видеть в своих манипуляциях с горскими ландшафтами чего-либо предосудительного. Например, русские солдаты и офицеры могли свободно располагаться посреди горских священных рощ, чистота и опрятность которых способствовала получению удовольствия от отдыха. Горные ландшафты и их социокультурные образы были для русских слишком иной формой бытия, чтобы в короткое время преодолеть культурное и мировоззренческое потрясение от встречи с ними. Кроме того, в условиях войны и взаимной неприязни трудно было рассчитывать на то, что местная традиция будет принята и услышана в войсках и среди колонистов.

Кавказская война значительно активизировала миграционные процессы в регионе, изменив мотивированность передвижения человеческих масс. Все прежние переселения совершались либо из-за обстоятельств хозяйственной деятельности, либо из-за необходимости защиты от внешних вторжений неприятелей, не пересекая исторически сложившихся границ. Кавказская война с колонизационными процессами и массами колонистов-переселенцев спровоцировала миграционные движения местного кавказского населения, жившего столетиями в замкнутых горных ущельях. Горцы вынуждены были искать новое приемлемое жизненное пространство. «Резко увеличивалось количество зон выхода мигрантов и зон выселения... переселенцы потянулись из одного общества в другое, из ущелья в ущелье или на плоскость» [Кузьминов 2004: 757-758]. Следствием становилась необходимость перемены характера землепользования, хозяйственной деятельности и быта. Изменились отношения горских обществ с ландшафтом. В новых местах обитания переселенцы не могли устанавливать родственную близость с ландшафтом, не возникало и прежней сакральности.

С другой стороны, для выходцев из имперских губерний прежде «...враждебный Кавказ обращался в Россию» [Фадеев 2003: 201]. Кавказские ландшафты, прежде бывшие труднопреодолимыми крепостями горских обществ, теперь переформатировались русской средой в свои собственные крепости. Неприступность Кавказа теперь становилась неприступностью России на обретенных ею южных рубежах. Русские стремились к тому, чтобы «...Кавказ... оставался в русских руках такою же твердыней против внешнего врага, какою он был против нас в руках черкесов» [Фадеев 2003: 205].

Эта новая роль Кавказа стала менять восприятие местных ландшафтов. То, что прежде пугало, казалось враждебным, вдруг перестало таким быть. Неожиданно увидели, что «в предгорьях волнистые поля до такой степени испещрены цветами, что при каждом дуновении ветра, будто радуга рассыпается перед глазами. Во всем простор человеку; в теплом и здоровом климате пашни, пастбища, леса и везде вода, все у него под рукой», а «прибрежная страна Кавказа не узкая полоса земли между горой и морем... она сама по себе составляет целую область, обставленную как теплица, закрытую от северных ветров и открытую южным. Глубокие долины, спускаясь от вечных снегов к морю, рассыпаются у берега холмами, образующими прелестнейшую страну, какую только можно видеть... Высокие земли, лежащие у подошвы вечных снегов, одеваются летом такими тучными травами, что стада, сгоняемые с них осенью, едва могут двигаться от жира» [Фадеев 2003: 210].

Эта новая роль Кавказа вынуждала российскую сторону проявлять интерес и внимание к сущностным смыслам и образам того, что сделалось её достоянием. При этом надо отметить, что такое стремление не облегчало задачи и не представляло возможности быстрого постижения кавказского ландшафтного пространства, поскольку его тайнопись представляла бóльшую загадку, чем культурные артефакты, доставшиеся от прежних обитателей гор в силу их малозаметных следов. Нравственное влияние этих перемен не могло оставаться без заметных последствий, как в российской среде, так и в горских обществах. Иное было на восточном Кавказе. Там российский элемент едва закрепился в местных ландшафтах, а местное население оставалось в горах и лесах господствующим, но после случившейся победы русского оружия в 1864 г. – это не представляло уже «никакой опасности политической... Страшный погром западного Кавказа грянул в души прикаспийских горцев таким же сокрушительным впечатлением, как покорение их страны в 1859 г.» [Фадеев 2003: 212].

Итак, мы исходили из того, что природно-культурные комплексы представляют собой области, где характеры рельефа, климата, растительного покрова, животного мира, населения и культуры людей «сливаются в единое гармоническое целое» [Калуцков 2009: 33]. Такой под-

ход совпадает с антропогеографической трактовкой роли ландшафтов как природно-культурных комплексов Л.Н. Гумилева, который одним из первых отечественных исследователей указывал на связь ландшафтов и этнических коллективов [Гумилев 2001: 322]. В силу особенностей географического пространства Кавказа, местные ландшафты часто становились этнической территорией. Это, прежде всего, касалось ущелий, бывших первоначальной территорией, в которой формировались горские этнические общности. Ландшафт как природно-культурный комплекс мог развиваться на Кавказе только как региональная локальность, которая составляла основу для формирования локальных культурных традиций, освященных местной сакральностью, и запечатлялась в образах символической топонимики. Только «расколдовав» прежнюю сакральность и символическую топографию, русским удалось переформатировать кавказские ландшафты и заполнить доставшиеся им природно-культурные комплексы собственными артефактами и именами. Период «расколдовывания» социокультурной основы горских ландшафтов в разных частях Кавказа не был одинаковым, потребовал от российской стороны многих усилий и высокой цены.

Источники

- Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Тифлис, 1885. Т. X. *Бестужев-Марлинский А.* Письма из Дагестана. URL: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/bestuzhev-kavkaz/bestuzhev-kavkaz.html#work003>
- Воронов Н.И.* Из путешествия по Дагестану // Сборник сведений о кавказских горах. Выпуск I. Тифлис, 1868. С. 3-36.
- Короленко П.П.* Записки о черкесах // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: 2 т. Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 2001. Т. 2. С. 153-237.
- Нарты. Адыгский героический эпос / Сост. А.И. Алиева, А.М. Гадагатль. М.: Наука, 1974. 415 с.
- Сидоров В.* Путевые заметки и впечатления. СПб.: Тип. М. Акинфеева и И. Леонтьева, 1897. 683 с.
- Спенсер Э.* Описание поездок по Западному Кавказу в 1836 г. / Пер. с англ. К.А. Мальбахова. Нальчик, 2008. 256 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Авксентьев А.В., Авксентьев В.А.* Северный Кавказ в этнической картине мира. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998. 160 с.
- Ботяков Ю.М.* Абреки на Кавказе. Социокультурный аспект явления. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 208 с.
- Бродель Ф.* Очерки истории. М.: Академический проект, Альма Матер, 2015. 223 с.
- Гордин Я.А.* Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность. СПб.: ЗАО Журнал «Звезда», 2008. 288 с.
- Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: Эксмо, 2001. 560 с.
- Доценко Л.Н.* Этно-экологическая картина северокавказского региона как форма проявления культурфилософской парадигмы. Автореф. дисс. канд. философ. наук. Ставрополь, 2006. 27 с.
- Дьячков-Тарасов А.Н.* Абадзехи. Историко-этнографический очерк. Тифлис: Типография К.П. Козловского, 1902. 52 с.
- Зяматин Д.Н.* Феноменология географических образов // URL: <http://eng.regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-16-38/165-l-r.pdf>

- Замятин Д.Н.* Геокультурная региональная политика и геокультурный брендинг территории: концептуальные схемы исследования // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. Екатеринбург: Изд. Урал. Ун-та, 2015. С.29-39.
- Калуцков В.Н.* О ландшафтных перспективах этнической экологии (по работам В.И. Козлова) // Этнос и среда обитания. Сборник этноэкологических исследований к 85-летию В.И. Козлова. М.: Старый сад, 2009. С.32-44.
- Карпов Ю.Ю.* Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 656 с.
- Ктиторов С.Н.* История Армавира (досоветский период: 1839–1918). Армавир, 2002. 384 с.
- Кузьминов П.А.* Этнодемографическая карта народов Терека: размещение, численность и миграция населения в конце XVIII – первой половине XIX века // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 2004. С.641-760.
- Лалин В.В.* Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб.: Европейский Дом, 2008. 400 с.
- Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003. 608 с.
- Сарагин Т.* Германия: самоликвидация. М.: АСТ, 2016. 500 с.
- Сотникова Н.Н.* Этноэкологическая культура как адаптивное средство жизнеобеспечения этносов // Современные проблемы науки и образования. 2012. №4 // URL: <http://www.science-education.ru/article/view?id=6797>
- Тишков В.А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
- Фадеев Р.А.* Кавказская война. М.: Эксмо, 2003. 640 с.
- Фадеев Р.А.* Государственный порядок. Россия и Кавказ / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 992 с.
- Чекменёв С.А.* Переселенцы. (Очерки заселения и освоения Предкавказья русским и украинским казачеством, и крестьянством в конце XVIII – первой половине XIX в.). Пятигорск: ТОО «Кинт», 1994. 352 с.
- Шнайдер В.Г.* Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов. Б.г., б.м. 147 с.
- Элиаде М.* Космос и история. Избранные работы. М.: Прогресс, 1987. 312 с.

REFERENCES

- Avksent'ev A.V., Avksent'ev V.A.* Severnyj Kavkaz v jetniceskoj kartine mira. Stavropol': Izd-vo SGU, 1998. 160 s.
- Botjakov Ju.M.* Abreki na Kavkaze. Sociokul'turnyj aspekt javlenija. – SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004. 208 s.
- Brodel' F.* Oчерki istorii / Per. s fr. Je. Orlovoj. M.: Akademicheskij proekt, Al'ma Mater, 2015. 223 s.
- Gordin Ja.A.* Zачем Rossii nuzhen byl Kavkaz? Illjuzii i real'nost'. SPb.: ZAO Zhurnal «Zvezda», 2008. 288 s.
- Gumilev L.N.* Jetnogenez i biosfera Zemli. M.: Jeksmo, 2001. 560 s.
- Docenko L.N.* Jetno-jekologiceskaja kartina severokavkazskogo regiona kak forma projavlenija kul'turfilosofskoj paradigny. Avtoref. diss. kand. filosof. nauk. Stavropol', 2006. 27 s.
- D'jachkov-Tarasov A.N.* Abadzehi. Istoriko-jetnograficeskij oчерk. Tiflis: Tipografija K.P. Kozlovskogo, 1902. 52 s.
- Zamjatin D.N.* Geokul'turnaja regional'naja politika i geokul'turnyj brending territorii: konceptual'nye shemy issledovanija// Brending malyh i srednih gorodov Rossii: opyt, problemy, perspektivy. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. Un-ta, 2015. S.29-39.
- Zamjatin D.N.* Fenomenologija geograficeskih obrazov// URL: <http://eng.regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-16-38/165-l-r.pdf>
- Kaluc'kov V.N.* O landshaftnyh perspektivah jetniceskoj jekologii (po rabotam V.I. Kozlova) // Jetnos i sreda obitanija. Sbornik jetnojekologiceskih issledovanij k 85-letiju V.I. Kozlova. M.: Staryj sad, 2009. S.32-44.
- Karpov Ju.Ju.* Vzgljad na gorcev. Vzgljad s gor: Mirovozzrencheskie aspekty kul'tury i social'nyj opyt gorcev Dagestana. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2007. 656 s.

- Kitorov S.N.* Istorija Armavira (dosovetskij period: 1839-1918). Armavir, 2002. 384 s.
- Kuz'minov P.A.* Jetnodemograficheskaia karta narodov Tereka: razmeshhenie, chislennost' i migracija naselenija v konce XVIII – pervoj polovine XIX veka // Landschaft, jetnograficheskie i istoricheskie processy na Severnom Kavkaze v XIX – nachale XX veka. Nač'chik: Izdatel'skij centr «Jel'-Fa», 2004. S.641-760.
- Lapin V.V.* Armija Rossii v Kavkazskoj vojne XVIII- XIX vv. SPb.: Evropejskij Dom, 2008. 400 s.
- Ol'shevskij M.Ja.* Kavkaz s 1841 po 1866 god. SPb.: Izd-vo zhurnala «Zvezda», 2003. 608 s.
- Saracin T.* Germanija: samolikvidacija. M.: AST, 2016. 500 s.
- Sotnikova N.N.* Jetnojekologičeskaja kul'tura kak adaptivnoe sredstvo zhizneobespečenija jetnosov// Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2012. №4 //URL: <http://www.science-education.ru/article/view?id=6797>.
- Tishkov V.A.* Rekviepm po jetnosu. Issledovanija po social'no-kul'turnoj antropologii. M.: Nauka, 2003. 544 s.
- Fadeev R.A.* Kavkazskaja vojna. – M.: Jeksmo, 2003. 640 s.
- Fadeev R.A.* Gosudarstvennyj porjadok. Rossija i Kavkaz / Otv. red. O.A. Platonov. M.: Institut russkoj civilizacii, 2010. 992 s.
- Chekmen'ov S.A.* Pereselency. (Očerki zaselenija i osvoenija Predkavkaz'ja russkim i ukrain-skim kazachestvom, i krest'janstvom v konce XVIII – pervoj polovine XIX v.). Pjatigorsk: TOO «Kint», 1994. 352 s.
- Šmajder V.G.* Rossija i Severnyj Kavkaz v dorevoljucionnyj period: osobennosti integrac-ionnyh processov. B.g., b.m. 147 s.
- Jeliade M.* Kosmos i istorija. Izbrannye raboty. M.: Progress, 1987. 312 s.
- Лазарян Сергей Степанович*, доктор исторических наук, доцент, Пятигорский государственный университет; aflost@yandex.ru

The role of landscapes in the context of the social and cultural existence of matter and Russian opposition to mountain societies of the Northern Caucasus (1801–1864)

The Caucasian landscapes were not only environment of the existence, but nature and cultural complexes, of which came mountain ethnic communities. The characters of the relief, climate, vegetable and animal kingdom, population became one harmony. The Caucasian landscapes were active participants of the mountain societies' social life and together with people opposed to another culture influence. In the course of the Caucasian war the landscapes were like unassailable citadels against the Russian army with mountain peoples. The conquest of the Caucasus was accompanied by necessity to conquer both the population and landscapes. The Russian side could subdue them only having transformed the sacred sense of the mountain living environment.

Keywords: landscape, society, social and cultural existence, Russia, mountain societies, Northern Caucasus, opposition, sacredness, transformation

Sergey Lazaryan, Dr. Sc. (History), Associate professor, Pyatigorsk State University; aflost@yandex.ru